

Кооперативное издательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.
Москва, Никольская ул., д. 5. Тел. 1-25-13.

БИБЛИОТЕКА ЗАПИСОК и ВОСПОМИНАНИЙ. Кн. 2-ая.

Влад. Бонч-Бруевич.

НА СЛАВНОМ ПОСТУ.

ПАМЯТИ
В. В. ВОРОВСКОГО.
(ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ).

С портретом
тов. В. В. ВОРОВСКОГО.

11237.

Москва—1923 г.

Вологодская Славянская
Дубляжная Библиотека

Главлит № 11487.

(Москва). Тираж 5000 экз.

Тип. „Пролетарий у Руля“, Москва, б. Ср. Торг. Ряды д. № 1.

В. В. ВОРОВСКИЙ.

НА СЛАВНОМ ПОСТУ *).

ПАМЯТИ

В. В. ВОРОВСКОГО.

(по личным воспоминаниям).

I.

Вдали от своих....

Вдали от своих, там, куда слетелись самые заматерелые стервятники европейской реакции, дабы еще и еще раз придумать новые цепи народам востока, в Лозанне, в этом осином гнезде Антанты, одиноко стоя на своем самом авангардном посту Революции, лицом к лицу с мировым врагом, погиб наш друг, наш товарищ, наш тридцатилетний боец, революционер-коммунист Вацлав Вацлавович Воровский. Трусливо и подло, из за угла, в сумерках вечера, убит он наповал, пулей в затылок, в то время когда наспех обедал с своими двумя сослуживцами в гостиннице „Secile“, где благочестивые швейцарцы столь рады были помочь совер-

---

*) Впервые эта моя работа была напечатана одновременно в журналах: «Спутник Коммуниста» № 22, май 1923 г. стр. 5—29. (Москва) и в «Молодой Гвардии» № 4, июль, 1923 г. (Москва).

шающемуся делу политической расправы капиталистов и правителей Европы, что очевидно боясь крови, не дали возможности самооборониться уже раненому сотруднику Росты, у которого кельнера отняли револьвер. Зачем проливать благородную кровь фашиста Конради, этого друга и ставленника Муссолини, Керзона, Пуанкаре и всей этой проклятой банды прямых грабителей, трусов и негодяев, удушителей народов, вампиров человечества? Его кровь священна, как „священна“ частная собственность и неприкосновенность капиталов, защищаемых всей этой черной шайкой европейских бандитов в смокингах, в цилиндрах и в белых перчатках.

Класс против класса, по ту и по эту сторону баррикад, стоят два мира людей, понятий, стремлений, идеалов. Два коллективных Человека вынули мечи свои из ножей, и борьба не на живот, а на смерть разлилась и разливается повсюду, во всем мире. Угнетенное человечество, рабы рабов капитала, рвутся из всех сил, чтобы расковать, разорвать свои цепи, и, измученные, но свободные, беззаветно ринутся в жестокий и решительный бой, когда последняя глава гидры капитализма, самая крепкая и ужасная, будет раз и навсегда срублена прочь с своих уродливых плеч, дабы освободившееся своими собственными силами человечество могло бы зажечь жизнью вольной, полной творческого труда и высокой радости.

Теперь, на сторожевых постах революции гибнут боевые ответственные товарищи нередко в неравной схватке, но их гибель порождает новых героев всесветного пролетарского мятежа и здесь

действительно один рождает тысячи. Чем же мы, еще живущие, можем отдать дань нашего высокого почитания и преклонения перед теми, с кем мы имели счастье общаться при жизни, и которые действительно положили жизнь свою за „друзья своя“?

Мы, современники этих действительных героев жизни, помимо посильного участия в нашей борьбе единым стальным фронтом, постараемся тщательно собрать все что осталось от них, этих светочей пролетарской массы, в виде духовного наследства. Все произведения их пера, все литературные и научные работы их, письма и дневники, должны быть тщательно собраны и опубликованы. Все воспоминания об их жизни, деятельности, работе—все должно быть записано и отпечатано, дабы будущее поколение работников Революции могли бы точно знать как жили, как работали, как боролись те, кто в самое трудное время не складывал боевое оружие, а разил им врагов всесветной пролетарской Революции, стойко выполняя каждый свое дело на своем посту.

Память о бойцах Пролетарской революции да не изгладится в веках.

II.

Рабочие и учащаяся молодежь в начале 90-х годов XIX столетия.

Вацлава Вацлавовича Воровского, учившегося в Москве, я помню с 1894 г., когда на заре нашей юности, он, студент Московского Технического училища, я, исключенный за студенческий протест из Константиновского Межевого института и только что окончивший Землемерное училище в Курске, —

вернувшийся в Москву после первой моей высылки за участие в студенческом движении, находились в объединенном совете землячеств высших учебных заведений, он от Технического училища, я — от московского землячества. Не зная ранее друг друга, мы в жгучий момент смерти деспота и утеснителя проявлений всякой свободы, императора Александра III взяли в паших конспиративных студенческих заседаниях, одну и ту же линию: во чтобы то ни стало подвинуть московское студенчество на политическую демонстрацию.

Волнение умов в Москве в то время было сильнейшее. Все так называемое „общество“ и разночинное студенчество хотели что-то сделать. Везде и всюду устраивались собрания, ползли отовсюду всевозможные слухи о каких-то переменах правительственного курса, на либеральных банкетах пили за здоровье „ее“, т. е. за конституцию. Все шептались, передавая друг другу на ушко политические новости; шпионы шныряли всюду; полиция и охранка сбились с ног, ища и выискивая крамолу. Появились прокламации, писанные и печатанные на гектографе, призывавшие всех „требовать“ конституцию. Но „требовать“ было некому, ибо класс могущий требовать, еще молчал, жил своей жизнью, почти никогда не выступая еще на общественно-политическую арену. Все было задавлено. Массы рабочих собирались по воскресеньям и праздничным дням на окраинах Москвы, особенно в Сокольниках, и в Анненгофской роще в Лефортове, лет десять тому назад уничтоженной ужасным ураганом, пронесшимся над Москвой, и в этих излюб-

лепных местах народного, фабрично-заводского гулянья, изливали свои чувства в пении песен, особенно любимых и по тому времени запрещенных. Песни про Волгу, про Стеньку Разина, и особенно про легендарного разбойника Чуркина, о героических похождениях которого в то время ловкий предприниматель и издатель газеты „Московский Листок“ Пастухов печатал нескончаемый роман, помещаемый по воскресным номерам, печатал два года, до тех пор, пока власти не велели ему оставить точку и роман печатанием прекратить. Это бульварное произведение однако отвечало какому то смутно тревожному настроению рабочей массы, и так как разбойник этот всегда преследовал богатых, а бедным помогал, то он сделался истинным героем широко народной, особенно фабрично-заводской массы. О нем гремели песни, из героя романа он превратился в живого, всюду действующего, всюду борящегося за народные интересы человека, и я как сейчас помню незабываемые картины народного воодушевления рабочей массы в Анненгофской роще и прилегающих к ней лужках, куда я нередко в то время тоже хаживал гулять, когда где либо под вечер, кружок молодежи запевал знаменитую песню о разбойнике Чуркине, окруженном погоней, раненом, и выносимом на носилках своими товарищами из боя с представителями власти.

Носилки не простые,

Из ружей сложены,

— пелось в песне, —

А поперек мечи стальные

Там положены.

От кружка к кружку, все дальше и дальше, пела вся масса рабочих и несло это пение по всему огромному полю, охватывая решительно всех. Пение подымало толпу. Все вставали и эта своеобразная бунтарская марсельеза заполняла сердца.

На них окровавленный
Сам Чуркин молодой...

неслось с особенной силой, как-то ухало, толпа вздыхала на этом стихе и обрывалась, что бы сразу вновь подняться на новом взводе.

Эта песня с бунтарским, подъемным папевом, чем то соответствовала скрытому настроению рабочих масс, толпы начинали волноваться точно чувствуя новый приток сил на еще неведомую борьбу с заклятым врагом.

И как только начиналось это предвечернее пение, всегда можно было видеть быстро удалявшихся в разные стороны околоточных и штатских шпиков, и очень вскоре вслед затем появлялись конные городовые, конные жандармы, усиленные наряды пеших городских, дворников, являлся пристав местного участка, а иногда приезжал полицеймейстер этого района и начиналось планомерное, с разных сторон, наступления сухопутного полицейского войска на гуляющие рабочие массы.

Раздавались свистки, крики, улюлюканье, ругали полицейских, кое-где завязывались драки, толпы рассеивались, кое-кого забирали в участок. Долго еще слышалось то там, то здесь отрывистое пение про разбойника Чуркина и тем кончалось дело.

Несмотря на то, что здесь не было ничего определенного, никакого организованного протеста,

действия, но меня безудержно влекли к себе эти массы и так радостно было слиться с этими толпами, то угрюмых, то залихватски веселых рабочих, шутивших и пересмеивавшихся с девичьими хороводами.

Там в „обществе“, во всех этих комитетах грамотности, чтениях с туманными картинками, на чопорных собраниях, даже на студенческих вечеринках, всегда висела какая-то томящая сердце скука и теперь так ясно чувствуешь, что „рожденный ползать, летать не может“. А здесь, в этих необузданных, иногда грубых, нередко заразительно веселых, толпах, кружках, расположенных на лужайках и в роще, обреталась всегда громадная сила, мощь еще не осознавшего себя класса, но уже несомненно близко стоявшего к грани беспощадной борьбы.

На заседаниях московского объединенного совета землячеств, где я впервые познакомился с Вацлавом Вацлавовичем, даже не зная его фамилии, нас потянуло друг к другу однообразие позиции в этот воинственный момент тусклой российской действительности. Мы оба, из разных углов, не зная и почти не видя друг друга,—так как конспирации ради битком набитая комната в одной из квартир домов Гирша (на Бронной), дабы не было видно с противоположной стороны, что совершается собрание, освещалась одной единственной свечкой, стоявшей на столе возле председателя собрания да еще кое-где вспыхивали огоньки папирос,—заявляли твердо и неотступно, что студенчество должно воспользоваться благоприятным моментом и высту-

нить с политическими требованиями и тем дать тон всему движению так называемого „общества“. К нам сначала присоединилось еще несколько голосов от разных землячеств. Некоторые члены, будущие видные кадеты, и в том числе Шингарев, решительно были против всяких выступлений говоря, что это дело земств, а не студентов, что студенты должны выставить лишь академические требования, направленные к попечителю округа или в крайнем случае к министру народного просвещения. Как это нередко бывает, такая умеренная и аккуратная речь „белоподкладочников“, как мы звали всю эту публику, подлила масла в огонь и неожиданно, для нас, застрельщиков, с разных сторон посыпались резкие реплики, молодежь заволновалась, и вскоре на нашу сторону склонилось несомненное большинство. Стали обсуждать форму протеста и остановились на петиции на высочайшее имя. Избрали редакционную пятерку, избрали депутацию. Петиция была составлена через два дня и депутация двинулась сейчас же следом за гробом Александра III, которого перевозили из Крыма в Петербург через Москву. Кстати сказать о судьбе депутации: избранники объединенного московского студенчества никак не могли придумать как им вручить царю петицию и они решили идти в Зимний Дворец, где в то время жил Николай II-ой. Их арестовали, как говорили тогда, „на ступеньках дворца“ и на вопрос кто они?—депутаты назвали себя. Петицию от них отобрали, одного из депутатов выслали в Астраханскую губернию, другого—в какую то другую. Арест депутатов от учащейся молодежи вместе

с петицией, волновал тогда общественные круги Петербурга и Москвы. Эта была первая петиция к новому царю, за ней последовало обращение земств, на что раздался царственный окрик о „бессмысленных мечтаниях“, которыми царь называл все конституционные вождедения и тем дело кончилось. Протесты затихли, начались расследования и аресты.

Случилось так, что я возвращался с этого конспиративного студенческого собрания домой вместе с Воровским,—мы жили в одной стороне. Говорили о событиях, и тут впервые нашли взаимные интересы и душевные отклики. Отрекомендовались друг другу, решили по возможности поддерживать связь друг с другом. Однако видется пришлось еще раз-другой при случайных встречах и потом вплоть до конца 1895 года мне не пришлось встречаться с Вацлавом Вацлавовичем.

III.

Первые шаги рабочего движения в Москве.

В 1895 году, когда уже в Москве стало расти определенное социаль-демократическое пастроение, когда появились кружки и организации рабочих крепко снайнных с с. д. интеллигенцией, мне, работавшему в то время в нескольких организациях, неожиданно пришлось встретиться уже на чисто революционной работе с тов. Воровским. Еще до сооружения тов. Л. П. Радиным эдиссоновского мимеографа в Москве, *) я состоял членом одного с. д. кружка, который все-

---

*) См. мою статью «Первый русский мимеограф» «Пролетарская революция» № 2, 1921 г., стр. 167-180.

цело занимался печатанием на гектографах и распространением нелегальной литературы. Так как настоящей техники не было, то многие нужные революционные сочинения переписывались рукой или печатались сначала на гектографах, а когда удалось соорудить мимеограф, то и на мимеографах. Мы старались увеличивать число таких групп, которые всецело посвятили бы себя этой технической работе. Мне как-то дали связь к одному из кружков, который готов был бы взять на себя эту работу. Когда я пришел в условленное место свидания я застал там Вацлава Вацлавовича с другим товарищем. Они оба в высшей степени охотно взялись не только за эту работу, но и за распространение нелегальщины. Я получал тогда большие количества книг из типографии „Народовольцев 4-го листка“ — „Ткачи“ Гауптмана, „О штрафах“, „Рабочий день“ и др. брошюры.

Кроме того они взялись широко распространять портреты Чернышевского, Белинского, Глеба Успенского, Писарева, Добролюбова, снимок с картины „Умиравший Белинский“, Ренана, К. Маркса, Энгельса и др., изданных комитетом „Красного Креста“ для помощи политическим ссыльным и заключенным. Таким образом у меня установилась деловая связь с группой, в которую входил Вац. Вац.; нам приходилось изредка встречаться. И тут в разговорах выяснилось, что и он, живя где то на Коровьем броду и участь в Техническом училище, постоянно хаживал с друзьями в Анненгофскую рошу на гулянки к рабочим и мы поделились с ним впечатлением о тогдашнем настроении рабочих, выразившемся в

пении песни про разбойника Чуркина, и диву давались, как за какие-то два года так все сильно изменилось, когда теперь рабочие уже кровно интересуются политикой, все более организуются и выступают на открытую борьбу с своими хозяевами: стачки в Москве тогда все более и более учащались.

IV.

Встреча за границей.

В 1896 году я уехал за-границу и моя следующая встреча с Вац. Вац. была в 1901 г. в Женеве. Он только что вернулся из ссылки и пробыв немного в России, выехал за-границу. Я встретил его совершенно неожиданно, зайдя как-то к тов. Бауману (убитому в 1905 г.), который в то время проживал тоже в Женеве, приехав с нелегальной работы из России.

Я сразу узнал Вац. Вац., хотя с последнего моего свидания с ним, он сильно возмужал. Меня поразила его походка; он как-то с трудом поднимался со стула, берясь за спину, как бы поддерживая ее, и двигался как-то особенно нагнувшись вперед. Быстро разговорившись и вспомня старину, мы поняли что стоим на одной и той же платформе, что „Искра“—(тогда еще не было раскола)—является для нас путеводной звездой, что именно это направление в с. д. партии нас только и удовлетворяет. Вац. Вац. был очень оживлен, добродушно и осторожно вышучивал ссылку, где от тоски и ничего неделания заводилось много дразг, так же, как и в эмигрантине. „Видимо я попал из

огня да в полымя“, — шутил он, узнав от нас, что и в Женеве совершается всегда достаточное количество всяких „историй“ и третейских судов.

V.

Скорбная повесть.

Через несколько дней я был у Вап. Вац., остановившегося тогда в Женеве в пансионе Morchard на Plain Palais и был очень удивлен, что он, надевая ботинки, — я застал его за этим делом — стоит на одной ноге и не садится на стул, как делаем мы это все.

— Почему вы этак мучаетесь? — спросил я его.

— Так угодно его величеству всероссийскому государю-императору, — ответил он мне, как всегда немножко смеясь, и вновь мучительно напрягая силы, чтобы надеть ботинок.

Я невольно бросился ему помогать.

— Нет, нет, не трогайте, — серьезно сказал он мне, — а то упаду, тогда подняться будет трудно.

Я опешил.

— В чем же дело? — тревожно спросил я его, когда он с трудом одолев один ботинок, кое-как выпрямился, поддерживая руками спину, и вздохнув, стал на одну, — теперь уже обутую ногу, — и также тяжело принялся обувать другую.

С другой справился легче.

— Ну вот-с я и готов, хоть куда, — хоть в сражение... — весело шутил он, а глаза выдавали страдание.

Мне стало невыразимо больно и я шутить не мог.

— Вы нездоровы?—боязно спросил я его.

— Нет,—деловито ответил он мне,—в сущности какое это нездоровье, это хроническое.

— Отчего?

— Да видите ли гражданин Зубатов—(начальник московского охранного отделения того времени)—возымел желание узнать от меня многое, в том числе и о вас, *genossen*, так как в то время была мода у арестованных в Москве все рассказывать Зубатову, вроде этакой исповеди учинять. Мотивом служило скорейшее освобождение из лап полиции,—и, гайда, опять на работу, а на отсутствующих—было условлено валить все, как на мертвых. Вы вероятно изволите знать, что ваши ребята по вашим кружкам, кроме некоторых, вас выдали с головой и навертели на вас то, о чем вы, предполагаю, и слыхом не слыхали. Мне Зубатов так и сказал: «Что вы можете рассказать о ваших товарищах по работе? Дополните вот эту общую картину»... и он дал мне сводку показаний тех, кто откровенничал. Я стал читать тут же при нем, а сам обдумывал положение. И сразу почувствовал, что это неправильно, что эга болтовня равняется выдаче, что это только на пользу полиции и твердо решил ничего не говорить и от показаний уклониться.

— Ну-с, как вам нравится?—спросил меня Зубатов,—рассказывал мне Воровский.

— Мне это совсем не нравится,—невольно сорвалось у меня.

— Что-с? Как?...

— Так.

— Что вы можете сказать о вашей работе, о вашем кружке, о ваших товарищах?

— Ничего.

— То-есть как это ничего?

— Так, ничего. . .

— Вы отказываетесь давать показания? . .

— Да, болтовней я не занимаюсь.

— Ах, так...—и он позвонил и передал записку.

Меня отвезли в Таганку и на другой день перевели в нижний этаж в сырую, мрачную камеру и я сразу заметил применения ко мне мер строгостей, обрывание меня, покрикивание.

— Чорт с вами,—подумал я,—мне все равно. И меня точно забыли в тюрьме; никуда не вызывали, ничего не спрашивали.

Через несколько недель я почувствовал первый озноб. Наступила лихорадка. Я попросился к доктору. У меня оказался плеврит. Меня перевели в больницу, где продержали недолго, а после опять в ту-же камеру. Я чувствовал, что здесь заболелю, но просить не хотел, не мог унижаться перед этими гадами. Навещавшие меня родственники встревожились, стали хлопотать, так как все знали, что я слабогрудый, предрасположенный к туберкулезу.

Меня вскоре вызвал Зубатов и опять спросил: „хотите ли вы дать показания о работе ваших товарищей?“

Я наотрез сказал „нет“.

— Тогда отправляйтесь к себе в камеру.

Мне хотелось плюнуть в эту гадину, но я почувствовал что унижаться не стоит и ничего не ответил. После уже узнал, что он на прощении

кого-то из моих родственников о переводе меня по болезни в другую камеру или в лазарет, именно в этот день, очевидно после моего вторичного допроса, написал резолюцию— „отказать“.

Меня привезли в тюрьму в ту же камеру, где я просидел еще довольно долго и заболел суставным ревматизмом и уже не мог выйти из камеры, а меня вынесли на носилках в лазарет. Процесс в легких, начавшийся в тюрьме, также обострился и я стал харкать кровью.

Проболел я долго, болел мучительно, ибо не мог двинуть ни одним членом без адской боли. Спина совершенно разламывалась, койка тюремной больницы была жестка и неудобна, каждый сустав позвонка ныл, болел, стрелял, ни повернуться, ни лежать, мучение да и только!

Думал одно время устроить пакость Зубатову — умереть, — вот досада то была бы у него! — роман не дописан, страничка одного из героев осталась бы пустой, но тут почему то вдруг вокруг меня засуетились доктора, подложили под меня другой матрац, еще что-то делали, чем то растирали, душили солицилкой, которую я выпил вероятно пуды и торжественно заявили мне, что я благодаря ревматизму получил в вечное потомственное владение порок сердца, искривление позвонка, перерождение в нем четырех суставов, плеврит и открытые туберкулезные каверны в легких. Я почувствовал полное удовлетворение от этого сообщения, ибо сравнительно скоро приобрел так много, что пожалуй мне позавидовал бы и сам Ротшильд. Очень важный профессор, приехавший ко мне в сопро-

вождении какого то чиновника из охрпки, осмотревши меня всего, сказал:—,,Да-с, да-с,—как мы богаты, редкий, редчайший случай, по позвонку, смотрите какие шишки,—это редко, крайне редко и, пожалуй, интересно... тут больно... тут больно...“ и он стал как на клавишах играть на моем интересном позвонке, а я свету не взвидел и даже отвечать не мог от ужасной боли...

— Очень, очень интересно и крайне редко... На солнышко нужно, на солнышко, грязи, лиман, особо усиленное питание, уход, вот эти лекарства,— и он написал рецепты,— и длительное, тщательное лечение... Прощайте-с молодой человек, мужайтесь!

А какой там чорт мужаться—я лежал как пласт и все у меня ныло, болело, и я обливался холодным потом. Приехавший чин из охранного отделения вместе с больничным доктором что-то шептались между собой и уходя знаменитость оглянулась в мою сторону, улыбнулась и произнесла:

— Поедете скоро, поедете... на солнышко...

— Скорей в могилу,—подумал я.

От всех этих осмотров мне сделалось хуже.

Прошло еще недели две - три, боли мои непого стихли, я как-то примирился с своей участью, ко мне пришли мои родственники, тюремный доктор, смотритель тюрьмы объявили мне, что меня освобождают. Я воспрянул духом. Даже встал кое-как, оделся, вещей собрать не мог, подписал какие-то бумаги и меня повезли на квартиру к родственникам, где я опять лег. Через неделю мне объявили, что меня высылают... на солнышко... в

северные места Вятской губернии на три года. Я расписался, что читал эту бумагу и подумал:

— Ну и ну, поедем на „южнице“ курорты охранного отделения — умереть можно и там, не только в Москве.

Через неделю, будучи совершенно больным, я двинулся в Вятскую губернию в сопровождении жандармов. Болел долго, но потом мне стало лучше, но позвонок не сгибается, вот почему, дорогой мой друг, я должен ежедневно и на всю жизнь принимать позу журавля, когда одеваюсь, дабы мог бы всегда вспоминать верного охранника Зубатова и казенную квартиру его величества.

VI.

Встреча с Г. В. Плехановым.

Вскоре Вац. Вац. познакомился у меня с Георг. Валент. Плехановым и очаровал его своей воспитанностью, начитанностью, знанием языков — Вац. Вац. прекрасно владел всеми европейскими языками и будучи особенно способным к лингвистике как то на ходу изучал языки, и именно в это время занимался, дабы усовершенствоваться, итальянским языком.

При этом случайном свидании и Вац. Вац. и Плеханов были в ударе и остроты сызались искрометным дождем и Георг. Валент. стал требовать от Воровского, чтобы он писал для „Искры“.

— Спина болит, Георгий Валентинович, отговаривался он, — куда там, все суставники, все косточки ноют. Нам, старикам, отдохнуть нужно, это

вы вот, молодежь, в каждом номере кого-либо на обе лопатки кладете...

Но промежду этих взаимных шуток завязался серьезный разговор об искусстве, которым Георг. Валент. усиленно и много тогда занимался, намереваясь в Лозанне читать лекции об искусстве, что после и сделал.

Георг. Валент. приятно был поражен, обнаружив у Вац. Вац. большие знания в вопросе об искусстве и тотчас же пригласил его приходить к нему запросто побеседовать, погулять, потолковать. Мы часто ходили в то время с Георг. Валент. куда либо поблизости около Женевы и одно время Вац. Вац., пока не уехал куда-то в горы отдохнуть и полечиться, всегда участвовал в этих прогулках, внося оживление, остроумную беседу, и многогранность интересов нашей, в то время еще малочисленной, женевской группы с. д. эмигрантов, резко порвавших с так называемыми экономистами (Рабо-партии на больчедельцами).

VII.

Раскол с. д. партии.

Так подступило время второго партийного съезда, окончившегося расколом российской соц. дем. рабочей Партии на большевиков и меньшевиков.

Хотя все мы сознавали, что „чему быть, тому не миновать“, но какое то невольное жуткое чувство охватывало душу, когда в сотый раз приходилось думать и обсуждать: к чему стремились из всех сил, единой партии—нет. Есть несомненный

раскол. Экономисты, рабочедельцы, бундисты,—потирают руки. Они объединены, искровцы распались. То твердое и могучее, что было только что,—исчезает. Чем все это кончится—вопрос и большой вопрос. И первое время мы, победители-большевики—за нами большинство съезда,—чувствовали себя далеко не героически, скорей даже как то пришибленно. Трещина в Партии чувствовалась повсюду, и трещина глубокая. В наших руках была формально вся техника: типография, экспедиция, транспорт, но на самом деле повсюду проявлялся саботаж: типография не выполняла то, что нужно, ставила невероятные материальные требования, создалось что «меньшевики» идут на истощение кассы; тысяча мелких уколов, капризов, все это создавало неблагоприятную, нездоровую атмосферу работы.

К каждому товарищу пришлось подходить с осторожностью, прежде всего нащупывая его отношение к самому важному для нас вопросу: с кем он, каково его мнение о съезде, о резолюциях, о расколе? Кто он: большевик или меньшевик? Вчерашние друзья делались подозрительными, осторожными, мнительными и нередко после первой же беседы приходилось расставаться с ними более чем холодно. Владимир Ильич был грустен, озабочен и сильно-сильно задумчив.

Вот в эти то тревожные дни Вац. Вац. возвратился с своего отдыха и почти прямо с вокзала зашел ко мне. И я и покойная Вера Михайловна Величкина, еще в первые дни его приезда сильно привязались к нему и мы очень обрадовались его

появлению и, помню, как невольно спросили друг друга: с кем он будет с Ильичем или с Мартовым? Конечно с Ильичем... И мы в два голоса стали посвящать его во все перепетии съезда и события после него. Он со вниманием слушал, делал остроумные замечания, вышучивал меньшевиков, и чувствовалось нам, что он наш.

Когда казалось мы все исчерпали, я спросил его, ну, что же, где он думает работать?

— Не забираться же в это болото и квакать там вволю. Конечно надо всем помогать Ильичу;— твердо закончил он.— Он, и никто другой, выведет нашу партию на широкую дорогу. Ему опять придется писать новое «Что делать?»

Мы несказанно обрадовались этому заявлению нашего друга и тотчас же условились видаться почаще, а чтобы освободить Вац. Вац. от хозяйственных забот пригласили его объединиться в хозяйстве и вместе столоваться. И с тех пор я долгое время видался с ним изо дня в день и в многочисленных беседах, при различных случаях, мог еще и еще раз убедиться какой это прекрасный был товарищ и какой душевный, приятный, радушный человек.

На другой же день я утром был у Владимира Ильича и сообщил ему радостную весть, что „нашего полку. прибыло“, что Вац. Вац. Воровский, только что приехавший в Женеву, решительно и категорически стал на сторону большевиков. Владимир Ильич сейчас же сказал, что надо самым подробным образом ознакомить решительно со всем

материалом о съезде Вац. Вац. и обязательно ему с ним на этих же днях повидаться.

Свидание это быстро состоялось и тут же закрепились прекрасные отношения между Вац. Вац. и Владимиром Ильичем, каковые и оставались все дальнейшее время.

VIII.

Начало литературной работы В. В. Воровского за границей.

На втором съезде Партии по моему докладу о сектантах в России, было постановлено, что с разрешения Совета партии, мне можно будет издавать социал - демократический листок для сектантов. Передо мной стал вопрос: идти ли мне в пасть меньшевисткого совета Партии, издавать-ли без разрешения журнал, или совсем отказаться от этой идеи? Я поделился своими сомнениями с Вац. Вац. и он тотчас же сказал мне, что журнал обязательно нужно издавать, ибо он будет полезен для масс и заявил, что он охотно будет его постоянным сотрудником. Я вскоре начал издавать соц. дем. журнал „Рассвет“, где с первого же номера Вац. Вац. стал печатать свои статьи:

В первом номере „Рассвета“, который начал выходить в Женеве в Январе 1904 года, под псевдонимом „П. Орловский“, была напечатана статья Вац. Вац., под заглавием: „Как царя встретили за границей“ (стр. 23). Во втором номере напечатана его же статья под тем же псевдонимом, „Гнет самодержавия“ (стр. 27). В третьем номере—напечатана его же статья „Положение сельскохозяй-

ственных рабочих в Северной Италии“ (стр. 78). В четвертом—„Союзы сельскохозяйственных рабочих в Северной Италии“ (стр. 102). Для № 8—9 Вац. Вац. написал статью под заглавием: „Международный социалистический съезд в Амстердаме“.

В это же время Вац. Вац. стал принимать активное участие в газете „Искра“.

В трех ее послесъездовских номерах (1903 г.) когда редакция была составлена по выбору II-го съезда Партии из Г. В. Плеханова и Вл. Ил. Ленина *) он поместил там свои статьи, именно в № 48 за подписью „Недоумевающий искровец“ „Новое филиальное отделение Бунда“. В № 49— он напечатал обзор „Из русской жизни“. В № 51— такой же обзор под тем же названием „Из русской жизни“ („Лукавое время“).

IX.

Меньшевики хотят взять измором.

Когда постепенно меньшевики из „меньшинства“ стали превращаться во временное „большинство“, когда в редакцию Г. В. Плеханов кооптировал своих старых соратников, формально экспедиция Партии и типография еще оставались в наших руках. Но совершенно становилось ясным, что все это очень скоропреходяще, что раскол в Партии идет по всей линии, что нам большеви-

---

*) В одной из газет я прочел, что Вац. Вац. Воровский будто бы сотрудничал в „Искре“, тогда, когда Вл. Ил. Ленин покинул редакцию и партийную газету редактировал один Г. В. Плеханов. Это неверно. С выходом Вл. Ил. из редакции газеты „Искра“ В. В. Воровский совершенно прекратил в ней свое сотрудничество.

кам придется создавать свою прессу, экспедицию и пр. и пр. аппарат. Однако из чувства партийной дисциплины, мы поставленные ЦК Партией на ответственные посты всей этой практической работы, продолжали не покладая рук работать по распространению центрального органа партии. Конечно тут создавалось невыносимое положение: „Искра“ наполнялась статьями явно враждебными нам, в ней нередко просто издевались не только над взглядами, но даже и над личностью нашего вождя — Вл. Ил. Ленина, а мы должны были все это распространять по всему свету и переправлять в Россию. Меньшевистская редакция совершенно перестала считаться со средствами и закатывала под ряд двойные (по размеру) номера „Искры“ пуская чуть не в каждый номер приложения. Я несколько раз ходил объясняться по этому поводу с Плехановым, он обыкновенно вызывал Мартова, а тот, пошучивая и и покуривая, разводил всякую антимионию на тему „назвался, мол, груздем, полезай в кузов“. Мне, наконец, надоела эта бесцеремонность и желание выезжать на чужих плечах, и я решительно заявил что буду печатать „Искру“ только обыкновенного размера и не больше. Так мы и ввели в берега расплывчатую меньшевистскую „Искру“, несмотря на целый ряд скандалов произведенных женевскими меньшевиками по этому поводу.

Х.

Большевики организуются.

Издав книжку В. И. Ленина „Шаг вперед, два назад“, мы стали подумывать о своей собственной

экспедиции, о своем собственном издательстве. Для этого прежде всего нужны были средства. Пошли по линии наименьшего сопротивления и решили по старому нашему опыту, организовать самостоятельные группы за-границей. Я поехал в объезд по Швейцарии, Вац. Вац. Воровского командировали в Германию, Францию, в Бельгию. На нас было возложено, помимо организации групп, везде сделать публичные сообщения о расколе в Партии с оглашением всех накопившихся документов.

Как ему, так и мне удалось организовать и оживить уже нарождавшиеся группы содействия большевистской организации.

В Берне во главе такой группы стали студенты Бернского университета тов. Родомысленский (Зиновьев) ныне Председатель Петроградского Совета Р. и К. Д. и Казаков (Свиягин), будущий член военной нашей организации,—убитый в империалистическую войну во Франции в рядах французских войск, куда вступил он добровольно.

В Берне группа приступила к изданию „бюллетеней“ о руско-японской войне, и весь доход от этого предприятия послала в нашу большевистскую кассу. Такие же группы возникли и во всех других швейцарских городах. Вац. Вац. Воровский организовал сильные группы в Берлине, в Дармштаде, в Мюнхене, а также в Льеже, в Брюсселе, в Париже. Он везде выступал с разоблачающими рефератами, за что и подвергся всюду преследованиям со стороны меньшевиков, которые ничего иного не могли лучшего придумать, как разглашать всяческие нелепости о причинах, почему именно

Вац. Вац. разошелся в ссылке с своей первой женой. Конечно кроме смеха, шуток и презрения к этим присяжным сплетникам, в наших рядах эта достойная „принципиальная“ кампания меньшевиков ничего не вызвала, еще раз подчеркнув, что обывательщина и самое противное мещанство господствуют в нравах этих умеренных и аккуратных людей.

В это время в Женеве собралась большевистская конференция из 26 товарищей, которая под председательством Вл. Ил. Ленина выработала известное заявление, ныне напечатанное в полном собрании сочинений Вл. Ил.

Вац. Вац. непосредственно, за отсутствием из Женевы, не мог принять участие в выработке этого, по тому времени, важного заявления, но ему оно было тотчас же отослано в догонку и он сейчас же ответил нам, что вполне присоединяется к нему и пустил его в дело на рефератах при своем объезде западно-европейских стран.

С каждым днем мы все крепче и крепче спаивались в своей большевистской работе. Без прессы нельзя было оставаться и мы решили приступить к изданию брошюр. Организовать это дело пришлось мне; брошюры быстро стали выходить. В. И. Ленин, Галерка (Ольминский), Рядовой (А. Богданов), Шахов (Малинин), П. Орловский (В. Воровский), Нищий, и друг. товарищи были направлены на работу по литературе по преимуществу, а мы изыскивали средства, печатали брошюры и распространяли их как за-границей, так и в России.

В этой области Вац. Вац. написал две работы. „Комментарий к протоколам второго съезда“ и брошюра „Совет против Партии“ имели большое разоблачающее значение; в это же время Вац. Вац. написал предисловие к брошюре „Таганрогский процесс по делу о ростовской демонстрации 2-го марта“. Позднее когда начались меньшевистские шатания вокруг вопроса о создании Государственной Думы он написал брошюру „О государственной Думе“,—обе изданные нашим женевским большевистским центром.

XI.

Газета „Вперед“.

К осени 1904 года мы ясно стали сознавать, что нам необходима своя газета. Газету издавать было трудно, но раз нужно, то нужно. Мы, группа женевских товарищей, даже вопреки мнения Владимира Ильича, который боялся, что у нас не хватит ни материальных, ни литературных сил, твердо решили „быть газете“, организовали всю технику, поставили товарищей-литераторов перед фактом распространенного повсюду объявления о газете, которую мы назвали „Вперед“. С десятью франками в кармане мы приступили к изданию газеты. Под редакцией Ленина,—Ольминский, Воровский, Воинов (Луначарский), Ал. Богданов были приглашены к самому ближайшему участию в газете.

Вац. Вац., помимо писания статей, занимался обработкой поступавшего материала, в то время как Мих. Степ. (Ольминский-Галерка), помимо непосредственной работы, в сотрудничестве с Вер.

Мих. Бонч-Бруевич (Величкиной), обрабатывал весь громадный корреспондентский материал, который, как из рога изобилия, сыпался в первую большевистскую газету со всех концов России. Особенно этот наплыв корреспонденций был отмечен после 9 января 1905 г.

Перу Вац. Вац. принадлежат следующие статьи, напечатанные им в нашей газете „Вперед“ (1905 г.): В № 1 „Крупницы манчестерского либерализма“.— В № 2 Либеральные „работодатели“.— В № 5 „Революционные дни“.— В № 6 „Враги и друзья“. В № 7 „Плоды демагогии“.— В № 13 „Либеральные принципы и редакционные замашки“.— В № 14 „Борьба за право стачек“.— В № 15 „В Комиссии Коковцева“.— В № 17 „Государственное страхование рабочих“.— В № 18 „Политические софизмы“.

XII.

Газеты: „Пролетарий“, „Новая Жизнь“, „Волна“, „Эхо“.

Когда третий съезд Партии переименовал нашу газету „Вперед“ в „Пролетарий“ (1905 г.), то и в этой газете Вац. Вац. так же деятельно принялся за сотрудничество. В „Пролетарии“ он напечатал статьи в № 3 „Буржуазия и стачки“.— В № 5 продолжение той же статьи „Буржуазия и стачки“. В № 8, „Профессиональное движение и соц. демократия“.— В № 10 „Корабль-скиталец“.— В № 11 „Буржуазия и монархия“.— В № 13 «Праведная „земля“ московских фабрикантов».— В № 16 „Тревога господ либералов“. - В № 16 „Теория само-

произвольного зарождения“.—В № 26 „Ответ Плеханову“.

Помимо этой газетной работы Вац. Вац. в это время постоянно выступал на митингах, на собраниях, в кружках. За этой же работой его застала за-границей в Женеве октябрьская революция 1905 г. В ноябре он двинулся в Россию, где тотчас-же принял участие в редактировании и в сотрудничестве газеты „Новая Жизнь“, которую начал издавать М. Горький вместе с писателем Минским, под редакцией П. П. Румянцева. Когда приехал Влад. Ильич он круто изменил неопределенный радикальный курс газеты на большевистский. Вац. Вац. был поручен иностранный отдел. Последовательно он принимал участие во всех наших большевистских газетах, издававшихся в Петербурге: „Новая Жизнь“, „Волна“, „Эхо“, „Вперед“—во всех этих газетах имеются его статьи, которые необходимо собрать.

Помимо газет, где он помещал свои остроумные статьи не только под псевдонимом П. Орловский, но нередко подписывал их псевдонимом „Фавн“, он также писал в наших еженедельниках, сборниках, альманах и пр. Так когда мною был организован уже в Петрограде еженедельный журнал „Наша Мысль“ для широких масс, он тотчас близко подошел к редакции журнала и в первый же номер дал статью под заглавием „Государственная Дума“.

После Женевы я увидал Вац. Вац. в Петрограде, куда приехал из заграницы по шифрованной телеграмме ЦК нашей партии с специальным распоряжением немедленно доставить в Питер из наших Парижских складов взрывчатые вещества, ко-

торые как можно было предположить, экстренно требовались для какого то предприятия или самозащиты. Я оставался в Женеве по распоряжению ЦК нашей Партии для ликвидации всех наших предприятий в Женеве и входил в ликвидационную тройку.

По телеграмме я немедленно выехал в Париж на нашу конспиративную квартиру. Было решено вести все на себе для чего мне был шит грудной и спинной панцырь и особый пояс. И тот и другой состоял из множества мест для особых патронов, как это делается на кавказских черкесках. Когда меня набили патронами с взрывчатыми веществами, то всего оказалось веса около полутора пуда. Так как я был очень здоров и силен, то я решил, что такой беспокойный груз выдержу, лишь бы не ехать морем, ибо морская болезнь может истощить не только физические силы, но и волю, что важней силы. Мой спинно-грудной папцырь-патронташ был тщательно и крепко зашит на мне милой хозяйкой квартиры, цашим товарищем, ныне умершей от туберкулеза и я, напутствуемый предупреждениями товарищей, „смотрите не упадите— взорветесь!“ отправился на север, через Данию, Швецию, Финляндию в Петербург. В телеграмме было указано два адреса для сдачи: или Гельсингфорс такая то улица, или если нет, то „Питер Караванная ул., меблированные комнаты такие-то, номер 48“. Я приехал благополучно в Гельсингфорс без всяких приключений, если не считать того обстоятельства, что в Стокгольме, желая хоть немного уснуть я попробовал бережно улечься на

один бок на постель, и в это время что-то в панцире лопнуло и два патрона выскользнули из меня, быстро промелькнули по ноге и помню я подумал: „взорвутся или нет?“ Секунда эта длилась долго; патроны как то боком, тихо шлепнулись о мягкий, пушистый коврик, находившийся возле кровати, я подождал и тихонько поднял их, зашил кое как лопнувшее место, лег и блаженно заснул после долгой, принужденной бессоницы во время пути. В Гельсингфорсе я несколько раз ходил по полученному адресу, но дубовые двери какого то модного адвоката не отворялись, очевидно никого не было дома, и я решил ехать дальше в Петербург. В Белоострове жандармы и таможенники милостиво пропустили меня, почти ничего несмотря и я через час был уже в царской столице. Отправляюсь на Караванную, снимаю номер в той гостиннице, которая была указана в телеграмме и иду отыскивать № 48. Стучусь, вхожу,— ба! Вац. Вац.! Он стоит возле небольшого чемоданчика и что то прячет.

— Что это вы прячете?

— Орудие самообороны,— и он вынул револьвер,— а когда нужно идем в атаку,— и он откинул у дула револьвера маленький штык, вроде перочинного ножичка в полвершка длины и, сделав выпад, в мою сторону, как всегда, тихонько засмеялся.

Я быстро от него узнал, что Петроградский совет арестован только что, что моя жена Вера Мих. Величина арестована на днях на том же заседании Петроградского Совета, что полуторагодовалая дочь моя Леля находится где-то в Петербурге у приютивших ее людей, что целый ряд товарищей

в тюрьме, что наступает несомненная реакция, что в Москве пахнет восстанием, что петроградцы растерялись и пр. Ильич прописавшийся было в участке, на другой же день перешел на негальное положение, что главный наш штаб находится на Троицкой улице в доме сочувствующего нам домовладельца И. Г. Симонова, где помещается редакция „Новой Жизни“ и что нам тотчас же надо идти туда.

— А вы привезли?

— Да.

— Много?

Я распахнул мою толстую английскую куртку и показал часть моего арсенала.

— Надо идти скорей разгружаться, тут весьма послеживают, да и боевики ждут, будут очень рады.

Мы напились с ним чайку с калачами и отправились в „Новую Жизнь“. Здесь мы встретились с Влад. Ильичем, который был крайне озабочен. Я давно не видал его столь взволнованного, усталого и глубоко задумчивого. Я заметил после, что именно это выражение лица и особенно глаза Влад. Ильича, говорящего, делающего распоряжения, но думающего какую-то иную глубокую ни для кого не доступную думу, точно что то там внутри его творилось, созидалось ему одному ведомое, всегда было перед большими поворотными общественно-политическими событиями, накануне новых его решений, новых писаний, которые он после такого созерцания всей глубины жизни, творил непрерывно, что называется запоем и после этого, обновленный и освеженный, твердо, уверенно шел по

новому, намеченному, решенному пути никогда не сбиваясь с шагу. Он, как всегда и всех, заботливо встретил меня, спросил о Женеве, о заграничных делах, о дороге, об арестованной Вер. Мих., о Леле, моей дочери, сказал чтобы я обязательно сообщил ему где она, когда я ее отыщу, — как будто ему только и было дело, чтобы думать о полугодовой девочке, и все это, как всегда, не для слова, а серьезно, с повторением до мелочей всего плана что делать, как быть. Сейчас осведомился, чем думаю заняться по партийной работе, рассказал и показал все в редакции новой нашей газеты, гордо заявив, что это пожалуй покрупней чем в Женеве. Я ему сказал, что и дороже, что масса лишних расходов, что редактировать газету П. П. и другие могут не в кабинете ресторана Палкина, проездая каждый раз по 25 рублей, а здесь в комнате за стаканом чая. Он сейчас же насторожился и переспросил:

— Вы точно знаете?

— Да.

— Это нельзя, это безобразие, это нас компрометирует. Рабочие в этом не нуждаются. Это мы сейчас же прекратим. Ах, эти радикалшки...

Проходя мимо Алексинского и знакомя меня с ним, он тотчас же сказал: талантливый, статьи может писать на коленке, но очень самолюбив. С ним надо быть осторожней, чтобы не оттолкнуть, еще очень молод.

Когда он узнал, что я весь начинен взрывчатыми веществами и что мне, как сказал Воровский, следует

разоблачиться, он тотчас же заторопился, тихонько, что называется на ушко, сказал Вац. Вац. пойти мне в какую то отдельную комнату, куда тотчас же пришел секретарь Ц. К. еще какой-то товарищ-рабочий-боевик и потом Алексинский.

Меня стали расшивать под непрерывные остроты Вац. Вац. и когда сняли панцырь особенно тяжелый на груди и пояс я вдруг зашатался, теряя равновесие: так за эту неделю путешествия я привык уже к тяжести, сгибавшей все время меня вперед и теперь, освободившись от нее, мне было как то непривычно и неловко ходить.

С Вац. Вац. мы прожили в гостинице на Караванной еще с неделю, где и выработали план издания для широкой массы журнала „Наша Мысль“, о которой я упоминал уже выше.

В скором времени, после разгильдяйской работы Парвуса в Петроградском совете, разгрома московского востания, и в Петербурге охранка перешла в активное наступление. Газеты „Новая Жизнь“ и „Начало“ были закрыты, многие товарищи перешли на нелегальное положение, а те кто успел легализоваться, подвергались обыскам и налетам полиции. И наш журнал „Наша Мысль“ был закрыт на пятом номере, и ответственный редактор тов. Циммерман и типограф, наш же товарищ Львов, были привлечены на скамью подсудимых; суд кончился оправданием и того и другого, но возобновить журнал не разрешили. Вац. Вац. тоже продолжал жить в Петербурге с своей семьей,—он женился в Женеве.

ХІІІ.

Другие литературные работы В. В. Воробского.

Помимо партийной он, как и всегда, занимался литературной работой, на этот раз приняв участие в общественно-политическом отделе издательства т-ва „Знание“, в котором главным пайщиком и руководителем был А. М. Горький, а практическим его деятелем — К. П. Пятницкий. Отдел этот был задуман по широкой программе, была роздана масса переводов, заказаны оригинальные работы. Главным редактором был П. П. Румянцев. Издательский же аппарат был крайне тяжеловесен и все издавалось до крайности медленно, запаздывало и попадало под бич все усиливающейся реакции, которая, конечно, прежде всего обрушилась на периодическую печать и книги. Многие издания Т-ва „Знание“ были конфискованы.

Для серии „Дешевой Библиотеки“ Т-ва Знания Вац. Вац. стал тщательно переводить „Коммунистический манифест“ К. Маркса и Фр. Энгельса, так как перевод Плеханова его не удовлетворял. Он изучал все тексты русских переводов „манифеста“, которых появилось тогда очень много и крайне возмущался бесперемонным отношением и переводчиков и издателей к такому историческому документу. Особенно он негодовал на издательство „Молот“, которое, чтобы втиснуть перевод „Манифеста“ в 36 страниц, просто отрезало большущий абзац из последних страниц этого классического произведения, и так выпустила в свет эту книгу, отпечатав ее

в сотнях тысяч экземпляров. Результатом этого изучения получилось критическое исследование переводов на русский язык этого произведения К. Маркса, которое Вац. Вац. напечатал в журнале „Образование“, выходявшего в Петербурге под редакцией, ныне умершего, известного педагога А. Я. Острогорского, превратившего свой журнал в марксистский. В этом журнале у Вац. Вац. появились и еще ряд статей, критических и библиографических заметок.

После выборов в первую Государственную Думу, когда победили кадеты, он делает анализ общественных отношений и издает в нашем издательстве „Наша Мысль“ (Петербург) брошюру под заглавием „Государственная Дума и рабочий класс“, „Кадеты в Думе“.

В это время Ц. К. нашей Партии предложил мне организовать центральный книжный магазин и издательство, за что я и принялся, устроив известное издательство „Вперед“, которое поместилось в Петербурге на Караванной улице. Мы стали много издавать и Вац. Вац. опять был здесь в этой нашей новой редакции. В конце 1906 г. наш магазин и издательство также были разгромлены полицией и жандармами, — искали подкоча под Аничков дворец, — я и мой товарищ П. П. Ногин, — были арестованы и отвезены в „Кресты“. После того как нас выпустили из тюрьмы дело наше продолжалось тянуться в судебно-следственном порядке еще три с половиной года.

„Вперед“ удалось через несколько месяцев восстановить, но потом в 1907 году нас окончательно разгромила полиция и закрыла навсегда.

Во время наступившей реакции Вац. Вац. остается жить в Петербурге, нередко совершая паломничество со всеми нами в Финляндию в Куо-коло, куда переехал на конспиративное жительство Влад. Ил. и Ал. А. Богданов. Эта вторая станция от русской границы по Финляндской ж. д., имеет для нашей Партии историческое значение. Здесь редактировалась нелегальная, вновь возникшая наша газета „Пролетарий“, здесь собирались на конспиративные обсуждения товарищи Петербурга и приезжие со всех концов России и отсюда шли директивы для всей питерской и общероссийской работы. Отсюда-же Влад. Ильич скрылся за два часа до обыска и ареста, предупрежденный о наступлении русских жандармов финляндскими товарищами, имевшими большие и верные связи в финской явной и тайной полиции.

XIV.

После разгрома Куокола.

После разгрома Куокола жить в Петербурге стало еще трудней. Следили за всеми нами прямо как на охоте за дичью. Буквально никуда нельзя было носа показать, чтобы не нарваться на шпика. Нам, еще не съеденным окончательно, озверевшей и раскодившейся охранной полицией конституционного монарха Николая II-го, приходилось друг с другом видаться редко, осторожно, давая знать весть о себе более по телефону из чужих домов, ибо и за телефонами нашими было установлено самое тщательное наблюдение. В этих обстоятельствах мне с Вац.

Вац. в эти годы приходилось видеться не очень часто. Он жил тогда в Петербурге, имел какую то службу и все остальное время отдавал литературе, намечал вопросы для разработки и им посвящал свои силы.

Около 1911 г. он уехал в Одессу. Само собой понятно переписываться нам не представлялось никакой возможности: все письма наши перлюстрировались и нередко приходили грубо распечатанными.

Время от времени через приезжих удавалось узнать о его работе и в местной прессе и в местной организации. Несмотря на проявление его болезней он продолжал, насколько только хватало сил, вести партийную работу, а когда в Петербурге появились наши газеты, сначала „Звезда“, а потом „Правда“ — он присылал в них, время от времени, статьи и корреспонденции. Его, в конце концов, арестовали, судили, но так как не было найдено никакого состава преступления, то оправдали. Однако было ясно, что ему не дадут более ни работать, ни скольконибудь спокойно жить. Его выслали в Вологду, откуда ему удается выбраться за границу в Швецию, при чем и тут не было все благополучно в его путешествии. Уже в Финляндии, при переходе границы, его жена, Дора Моисеевна, как-то оступилась и сломала себе ногу. С этим домашним осложнением он прибыл в Швецию, где стал работать по своей специальности в качестве инженера-электрика. В период империалистической войны мне почти не приходилось с ним общаться ни письменно, ни лично.

XV.

Во время февральской и октябрьской революций.

Когда в России грянула первая гроза Февральской революции, а потом наступили упадочные дни, когда соглашатели и буржуазные подголоски всех оттенков стали всеми мерами снижать завоевания революции, когда наконец, возмущенные пролетарские массы не вытерпели и выступили 3-го июля, всем стало ясно, что еще путь революции не завершен, что настанут новые дни и будут новые бои. Летом 1917 года Вац. Вац. прибыл из Швеции в Петроград, после выполнения возложенных на него большевистским центром поручений по заграничному представительству. Приехал он бодрый, полный надежд и самых широких уюваний и тотчас-же, конечно, присоединился к петроградской большевистской организации, работая в ней и литературно и как агитатор. Когда наступили дни октябрьской революции, он вскоре был назначен первым нашим уполномоченным послом в Швецию, куда и уехал. Швеция официально его не признала, но он довольно долго жил в ней и неустанно вел свое дело сношения с шведским пролетариатом и со всеми заграничными европейскими группами рабочих, ставших на сторону российской октябрьской революции.

Наконец, под дружным натиском Антанты, шведское правительство выслало его из Швеции и он

вернулся уже не в Петроград, а в Москву, где вскоре был назначен заведующим Государственным издательством, образовавшимся ранее его приезда, согласно декрета Совнаркома. Будучи весьма близок к литературе и имея широкое образование, он, конечно, прекрасно мог бы справляться с редакторской частью дела, организовывая соответствующие коллегии, выработывая программы изданий и пр. и пр. Но с практикой издательского дела ему не приходилось возиться. Получив крайне тяжелое наследство в этом молодом Госоргане он с величайшим трудом нес эту ношу возложенную на него, но несомненно не соответствовавшую ни его настроению, ни его жизненной практике. В это время он написал предисловие к утопии одного из русских авторов, вышедшей в Госиздате и издал брошюру на неожиданную для него тему. «Послание патриарха Тихона к архиереям и к пастырям церкви российской» — одно из первых литературных разоблачений контр-революционной деятельности пресловутого черносотенца патриарха русского. Он не однажды высказывал мне и товарищам, что работа в Госиздате для него не подходяща. Он продолжал заниматься литературными работами и его тянуло к дипломатической деятельности. Его постоянно отрывали от работы в Госиздате и давали весьма ответственные поручения в области дипломатии. Наконец, когда у нас возобновились сношения с Италией, тотчас же пришли к мысли, что полномочным представителем в Италию, конечно, должен быть назначен Вац. Вац.

XVI.

Смертельная болезнь Вацлава Вацлавовича.

Он поехал вместе с дочерью в санаторий полечиться. И тут ему жестоко не повезло. Он и дочь его, выпив какое-то не кипяченое молоко, оба заразились брюшным тифом и их больных привезли в санитарных каретах в Кремль в Кремлевскую больницу. Дочь его вскоре справилась с болезнью своим молодым организмом. Но Вац. Вац. все становилось хуже и хуже. Наконец наступили критические дни. У него случилось внутреннее кровоизлияние в кишках и он стал угасать. Температура все падала. Почти не было никакой надежды на его спасение. Старший врач больницы А. Ю. Капель и его помощник, лечащий врач Вац. Вац. Л. Г. Левин, при помощи быстро исполнявшей все приказания врачей нашей кремлевской аптеки, где чародействовал тов. Кауфман, у которого всегда все находилось, даже то, что казалось нигде было отыскать во всей России; при помощи дисциплинированного, чуткого и любвеобильного всего фельдшерского, сестринского и технического персонала, — вели отчаянный бой в буквальном смысле слова за жизнь Вац. Вац., вырывая его из когтей смерти, которая уже могуче вцепилась в его истрадавшееся, изможденное тело. Он был без сознания, почти без пульса и казалось нет возврата. Но вот еще и еще напор всех знаний медицинской науки, еще и еще гениальное творчество у постели больного, еще поддержка угасающих остатков жизни и кровоизлияние остановилось, температура пере-

стала падать и блеснула маленькая надежда на то, что силы жизни победят силы смерти.

Неотступный уход день и ночь, зоркое наблюдение за каждым малейшим изменением, быстрая и умелая поддержка организма и силы стали прибывать. Вац. Вац. пришел в сознание, чуть чуть ожил, но было еще очень далеко до выздоровления. Сто дней пролежал он в Кремлевской больнице и, наконец, вышел из нее и стал набираться сил.

Вл. Ил. Ленин зорко следил за его здоровьем, также как и за здоровьем всех остальных ответственных работников. Три раза в неделю я сообщал, по своей должности, ему сведения о всех перепетиях болезни Вац. Вац. Когда миновал кризис и он стал понемногу поправляться, Вл. Ил. захотел видеть Вац. Вац., чтобы своей товарищеской беседой поддержать его. Он осведомился у врачей разрешают ли они ему посетить Вац. Вац. и когда узнал, что это, по состоянию здоровья больного, можно, он отправился к нему в больницу. Вац. Вац. лежал в отдельной небольшой комнате на высоких подушках, страшно худой, говорил крайне слабым голосом.

Влад. Ильич вошел и особенно приветливо приблизился к нему, еще издали погрозив пальцем.

— Позвольте представиться—голодающий индус из владений его величества короля английского, — как всегда шутя сам над собой, улыбаясь, полупошопотом проговорил Вац. Вац.

— Но нам нужно, чтобы вы были абсолютно здоровы! Италия вас ждет, а вы так плохо себя ведете, — пошутил Вл. Ил.

Вац. Вац. оживился и стал энергично говорить.
— Тихе, тихе, нельзя так,—тихонько сказал
Вл. И.,—вы помолчите, а я вам расскажу, вам не
надо тратить силы.

И Вл. Ил. задушевно и мягко стал беседовать
с Вац. Вац.

Из взглядов Вац. Вац. я понял, что он что-то
хочет сказать Вл. Ил. наедине,—и мы все тотчас
же вышли из палаты, где он лежал. Минут через
15 Вл. Ил. вышел, дружески прощаясь с Вац. Вац.

— Теперь отдыхайте... Засните лучше...—и он,
улыбаясь, затворил дверь палаты.

И тотчас же тихонько, конспиративно, спросил
у врачей:

— Ну как он?.. Плох, слаб?..

— Очень слаб,—ответил врач,—но непосред-
ственная опасность миновала.

— Прошу вас всех,—берегите его,—это пре-
красный товарищ... Если чем я могу быть поле-
зен, звоните прямо ко мне...

Вл. Ил. обошел все палаты приветливо здоро-
ваясь с больными и спрашивая об их состоянии
здоровья, поблагодарил врачей и всех, кто был с
ними, за образцовую чистоту и порядок в больнице
и ушел в Совнарком.

— Бедняга Вац. Вац., как переменялся, тяже-
лая болезнь... Выживет ли?—сказал он мне и осо-
бенная печаль подернула его лицо, которую я за-
мечал всегда, когда приходилось ему узнавать о
бедствиях с товарищами.

— А как их финансовые дела?.. Небось Дора
Моисеевна совершенно поистратилась на больных...

Вы узнайте, деликатно, по товарищески, чтобы не обидеть... В такие минуты люди особенно чутки к обиде... Необходимо помочь, не забудьте сказать мне, что узнаете...

Я сказал ему, что по моему докладу Малый Совнарком, из кредитов на Совнарком, отпустил небольшую ссуду Вац. Вац.

— Это хорошо... Но когда это было, давно?.. Теперь выздоравливает и он и дочь, надо усиленное питание... Надо помочь...

На другой день я доложил Председателю Совета Народных Комиссаров, что у жены Воровского ничего нет, и что она на рынке вынуждена продавать вещи, чтобы покупать все то, что нужно и подал проэкт моего краткого доклада в Малый Совнарком. Вл. Ил. тотчас же написал маленькую записочку Председателю Малого Совнаркома, прося отпустить небольшие средства на поддержание здоровья смертельно больного товарища. Малый Совет в этот же вечер постановил отпустить небольшую помощь.

Вац. Вац. медленно поправлялся и как только разрешили врачи поехал с семьей в Италию в качестве полномочного представителя Р. С. Ф. С. Р.

XVII.

Отъезд в Италию.

Уезжая в Италию мы дружески прощались с ним и он дал мне свой портрет.

— Когда убьют, или подохну сам,—можете любоваться на этого прекрасного молодого человека и сообщить потомству его замечательную биографию...

как всегда, шутя над собой, сказал он мне и вручил фотографическую карточку. — А это портрет моей дражайшей супруги — и мы расцеловались.

Мы шутили, только малолетней дочке его было не до шуток. Она плача напала на него и стала укорять:

— Папка, дрянной, как ты мог сказать, что тебя убьют, что ты умрешь?... Зачем сказал, зачем? Не хочу я, не хочу!.. — и она бросилась к нему на шею, и прижалась к нему, безумно радостная, что он выздоровел, после стольких тяжелых дней борьбы со смертью.

Дети часто не разделяют шуток взрослых, они чувствуют глубже, серьезней и инстинктивней.

И вот теперь, когда так неожиданно мне пришлось написать эти страницы, которые помогут восстановить полную биографию нашего скромного друга и закаленного бойца за пролетарское дело, я невольно переношусь мыслью от лица могилы, этого небольшого холма на Красной площади, туда в Рим, где теперь, как птичка в клетке, бьется и рыдает милая маленькая Нина, с которой мы так все дружили, и твердит свое, детски чуткое «зачем, зачем?». И нет у нее более сил отогнать этот кошмар действительности, когда она твердо знает, что ее отца более нет в живых, что он убит из-за угла, предательски, в затылок, шоколадных дел мастером, подлым мещанином Швейцарии фашистом Ковради.

Она больна, больна настолько, что мать должна была вернуться от гроба мужа к постели дочери,

столь потрясенной убийством отца, что еще ни у кого нет сил, поднять ее с постели.

Мужайтесь друзья, все мы, ваши товарищи, весь пролетарский мир,—все, все—все с вами! Все разделяют вашу скорбь и печаль и все мы поможем залечить вам ваши зияющие, сердечные раны.

Память о Вацлаве Вацлавовиче Воровском перешла в века. Ненависть всех народов к лорду Керзону, Пуанкаре и Муссолини и ко всем тем, кого они олицетворяют, вновь всколыхнула весь мир от края и до края и кровь пролетарского вождя, пролптая в Лозанне, уже упала на головы современных тиранов и деспотов мира, и она раздавит их вместе с их трижды проклятым классом угнетателей человечества.

И это дело близко, оно при дверях...

Москва. Кремль, 23 мая 1923 г.

Лодзкая Советская
Публичная Библиотека

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТР.
I. Вдали от своих	3
II. Рабочие и учащая молодежь в начале 90-х годов XIX столетия	5
III. Первые шаги рабочего движения в Москве.	11
IV. Встреча за границей	13
V. Скорбная повесть	14
VI. Встреча с Г. В. Плехановым	19
VII. Раскол с. д. партии	20
VIII. Начало литературной работы В. В. Воров- ского за границей.	23
IX. Большевики хотят взять измором	24
X. Большевики организуются.	25
XI. Газета «Вперед»	28
XII. Газеты „Пролетарий“, „Новая Жизнь“, „Волна“, „Эхо“	29
XIII. Другие литературные работы В. В. Во- ровского	36
XIV. После разгрома Куокола	38
XV. Во время февральской и октябрьской ре- волюции	40
XVI. Смертельная болезнь Вацлава Вацлаво- вича	42
XVII. Отъезд в Италию	45

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА.

№ 38. *А. Брем.* (В изложении *М. Н. Янишевской*). Обезьяны нового света. С рисунками. Издание 2-е.

№ 39. *Н. Каменщиков.* Звездные великаны. С 8-ю рисунками. Издание 2-е.

№ 40. *Ник. Андреев.* Человек и нечистая сила. Культурно-исторический очерк. С рисунками. Издание 2-е.

№ 41. *Адлер, В. и Вурм, Э.* Алкоголизм и рабочие. Перевод с немецкого. Издание 3-е.

№ 42 *Бодрилар.* Приключения бутылки с вином, рассказанные ею самой. Перевела с французского *В. М. Бонч-Бруевич (Величкина)*. Издание 2-е.

№ 43. *Борис Гусман.* С винтовкою в руках. Сборник стихотворений пролетарских поэтов о Красной армии. С 10-ю рисунками и обложкой художника *Б. Владимировского*.

Библиотека документов, записок и воспоминаний.

Кн. 1-ая. Дни воспоминаний о жизни и работе Веры Михайловны Бонч-Бруевич (Величкиной).

Кн. 2-ая. *Влад. Бонч-Бруевич.* На славном посту. Памяти В. В. Воровского. (По личным воспоминаниям). С портретом тов *В. В. Воровского*.

Библиотека физической культуры.

Кн. 1-я. *А. А. Зикмунд и А. И. Зикмунд.* Схематическая программа физического воспитания и трудовых навыков в возрасте от 7 до 20 лет, на основах пролетарской физкультуры.

Биологическая библиотека.

Кн. 1-ая. *М. В. Волоцкой.* Поднятие жизненных сил расы (Новый путь).

Кн. 2-ая. *Я. Б. Левинсон.* Бактериологический метод истребления вредных грызунов. (Санитарный очерк)

Кн. 3-ья. *Антропометрические измерения детей* (Унификация методики массовых исследований детей и подростков). Сборник под редакцией проф. *А. С. Дурново*.

Н О Т Ы.

Слова Демьяна Бедного. Музыка В. Пергамента.

1. Когда же он проснется. Крестьянский сон. Мелодекламация. Изд. второе.
2. Советский часовой. Мелодекламация.
3. Кларнет и рожок Басня. Годна для инсценпровки.
4. Богатырский бой. Мелодекламация.

БИБЛИОТЕКА „ТУБЕРКУЛЕЗ“.

Книга 1-я. *Гамбургер.* Туберкулез в детском возрасте. Перевод с немецкого под редакцией проф. А. А. Киселя.

Книга 2-я. *Н. Паук.* Практическое значение иммунитета для предсказания лечения туберкулеза. Перевод с немецкого А. И. Тагуновой и В. А. Любарского, с руководящей статьей проф. В. А. Любарского—„Современное состояние вопроса об иммунитете и иммунотерапии при туберкулезе“.

Книга 3-я. *Р. Гайкович.* Что такое чахотка и как уберечь себя и других от нее.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Книга 4-я. *Моссе.* Туберкулез и социальное положение. Перевод доктора Р. М. Якуб.

Книга 5-я. *Шлосман.* Туберкулез у детей. Перевод с немецкого, под редакцией проф. А. А. Киселя.

Книга 6-я. *Банделье и Рönке.* Специфическая терапия и диагностика туберкулеза. Перевод с немецкого.

Книга 7-я. *Тенделло.* Патологическая анатомия туберкулеза. Перевод с немецкого.

Книга 8-я. *Мух.* Детский туберкулез. Перевод с немецкого.

Книга 9-я. *Штернберг.* Сборник клинических лекций, читанных на курсах по туберкулезу в Петрограде.

Книга 10-я. Научный сборник „Туберкулез“ № 2, куда войдут научные доклады, сделанные на Всероссийской конференции по туберкулезу в Петрограде, в феврале 1922 г.

Книга 11-я. Сборник „Борьба с туберкулезом“ № 3, куда войдут доклады на той же конференции организационного характера и по общественной борьбе с туберкулезом.

Книга 12-я. *Бернгард.* Солнцелечение в хирургии.

Книга 13-я. Диспансер.

Книга 14-я. Общественная борьба с туберкулезом на Западе.

Книга 15-я. *Альманах.* „Туберкулез—бич народов“. Литературно-художественный сборник.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА.

№ 1. *Новиков-Прибой.* Морские рассказы.

Содержание: По темному. — Подарок. — Между жизнью и смертью. — Победенные. — Рассказ боцманманта. — Словесность. — Попался. — Бойня. — Одобренная крамола. — Злая весть.

№ 2. *Павел Низовой.* Том первый. Язычники. Повесть.

№ 3. *Павел Низовой.* Том второй. Тени.

Содержание: Пахомовка. — Новь. — Смена. — На промыслы. — Шесторо. — Фиалки. — Весеннее томление. — Скука. — В вагоне. — Паутина. — Панна Бета. — На новом месте. — На станции. — Крыло птицы. — Грех. — Тени.

№ 4. *Альберт Пинкевич.* (Адам Бельский.) Венок. Очерки и рассказы.

Содержание: Венок. — Михаил. — Этапом. — Мертвые цветы. — В лесных ключах. — Один из вечеров Аятона. — Вор. — Верочкин день. — Мечта. — На родину. — Дитя. — Старички Дыньковы. — Пленная мысль. — Письмо. — Жестокость. — Роза. — У костра.

№ 5. *Александр Неверов.* Том первый На земле. Рассказы.

Содержание: На земле. — Пронавшая страна. — От неизвестных причин. — Последнее средство. — Преступники. — Вез цветов. — Егорка родился. — Отслужившие. — В плену. — Баба. — Иван. — Витуль. — Музыка. — Колькин табель. — Дети. — Среди умирающих. — Дома. — Радость. — В глухих местах. (Очерки).

№ 6. *Александр Неверов.* Том второй. Лицо жизни. Рассказы.

Содержание: Лицо жизни. — Новый дом. — Я хочу жить. — Страшные вести. — Каряга. — Шайтан. — Мария — большевичка. — Кровать. — Веселые ребята. — Стишок. — Хлеб наш насущный. — Поросенок. — Что из этого вышло. — Земля и небо. — Колька. — За хлебом. — Страдание. — Об Ивановой душе.

№ 7. *Александр Неверов.* Том третий. Гуси-лебеди. Роман.

№ 8. *В. Перова (В. М. Бонч-Бруевич-Величкина).* Перед рассветом. Сборник революционных песен и стихотворений. С предисловием и примечаниями *Влад. Бонч-Бруевича.* Издание 3-ье.

№ 9. *К. Гандурин.* Минувшее. Сцены в 5-ти действиях.

№ 10. *К. Гандурин.* Яков Певцов. Драма в 5-ти действиях.

№ 11. *К. Гандурин.* Очарованная кузница. Представление-шарж в 4-х картинах.

№ 12. *Ф. К.* Сборник революционных и трудовых стихотворений. Составленный для сольной и коллективной декламации.

№ 13. *Демьян Бедный.* А все-таки! С 105 рисунками художника *Ф. Криера.*